

Монголия XXI в.: структура и факторы устойчивого сохранения номадизма

*Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова*¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670045 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
E-mail: zhambalovas@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Жамбалова С. Г., 2020

Аннотация. В статье на основании полевых и литературных источников исследуются факторы устойчивого сохранения номадизма в Монголии в XXI в. Историографический обзор свидетельствует о возрастании в России актуальности изучения монгольского номадизма в последние десятилетия. Актуализирует статью исследование номадизма с представленной точки зрения, что позволяет закрыть имеющуюся лауну. Такой подход имеет не только научное, но практическое значение. Современный монгольский номадизм сохраняет в общих чертах традиционную структуру. Этому способствует гармоничное комплексное бытование семи факторов: природно-климатического, демографического, экономического, зоологического, технологического, экологического, духовного. Их наличие демонстрирует сохранение сложной модели классического номадизма, сохранившего основную структуру и признаки. Номадизм в Монголии сохраняется также из-за невозможности по экономическим причинам модернизационного рывка страны к полной седентаризации. В современных условиях он может привести к сложным политическим и социально-экономическим последствиям. Монгольская степь, главное условие существования номадизма, несмотря на проблемы, возникающие в связи с развитием горнодобывающей промышленности, расширением земледелия и т. п., которые также получают развитие в стране, пребывает в достаточно благополучном с точки зрения экологии состоянии. Номадизм в Монголии XXI в. сохраняется благодаря сохранению всех вышеуказанных природно-климатических и социально-экономических факторов.

Ключевые слова: Монголия, номадизм, факторы, сохранение, постсоциалистический период, реномадизация

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество»), номер госрегистрации: АААА-А17-117021310269-9). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале

XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Жамбалова С. Г. Монголия XXI в.: структура и факторы устойчивого сохранения номадизма // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 2. С. 112–121. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-112-121

UDC 93

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-112-121

Mongolia in XXI century: Structure and Factors of the Preservation of Nomadism

*Sesegma G. Zhambalova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670045, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

E-mail: zhambalovas@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Zhambalova S. G., 2020

Abstract. The article analyzes the factors in the consistent preservation of nomadism in Mongolia in the XXI century based on the field and literature sources. The historiographic review shows that the study of Mongolian nomadism of the last decades is becoming more significant in Russia. In relation to this, the author's approach to the analysis of the nomadism is of great interest. This approach is not only of scientific but also of practical value. The modern Mongolian nomadism generally maintains the traditional structure. It is contributed by the harmony of integrated existence of seven factors: natural-climate, demographic, economic, zoological, technological, environmental and spiritual. Their existence demonstrates the preservation of the complex model of the classical nomadism retaining the basic structure and features. Nomadism in Mongolia is preserved also because the rapid progress to full sedentarisation is not possible due to some economic reasons. In the modern conditions this can lead to the complicated political and economic consequences. The Mongolian steppe is the main condition for the existence of nomadism, it is in a quite favourable state from the ecological point of view despite the problems arising in relation to the development of the mining industry, the expansion of the agriculture, etc. Nomadism in Mongolia in XXI century is maintained due to the preservation of all the above mentioned nature-climate and socio-economical factors.

Keywords: Mongolia, nomadism, factors, preservation, post-socialist period, renomadization

Acknowledgement. The article was prepared within the framework of a state assignment (project XII.191.1.1. “Transboundary areas of Russia, Mongolia and China: history, culture, modern society”, st. reg. AAAA-A17-117021310269-9). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Zhambalova S. G. Mongolia in XXI century: Structure and Factors of the Preservation of Nomadism. In: *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. No. 2. Pp. 112–121. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-112-121

Монголия XXI в. — индустриально-аграрная страна, в которой наряду с процессами модернизации сохраняется нomaдизм. Для научного решения проблемы его устойчивого сохранения актуально выявление на большом диахроническом срезе факторов, обеспечивающих его целостность и тождественность. Актуализирует тему также то, что нomaдизм редко рассматривается под представленным здесь углом зрения, в то время как такой подход имеет не только научное, но практическое значение.

Цель исследования — рассмотреть факторы устойчивого сохранения центральноазиатского нomaдизма в Монголии. Несколько утраченный со второй половины 1980-х гг. научный интерес к монгольскому нomaдизму в России постепенно нарастает с конца XX в. На русском языке публикуются работы А. М. Хазанова [Хазанов 2016], над темой работают российские исследователи В. В. Грайворонский [Грайворонский 1997; Грайворонский 2008], Н. Н. Крадин [Крадин 2016], А. Д. Гомбожапов [Гомбожапов 2017а; Гомбожапов 2017б; Гомбожапов 2019] и др. В российских научных журналах размещены работы монгольских исследователей о нomaдизме, это статьи Д. Алимаа [Алимаа 2012], Б. Энхтувшина [Энхтувшин 2015] и др. На русском языке защитил диссертацию Ж. Жаргалсайхан [Жаргалсайхан 2013]. Автором настоящей статьи также написан ряд статей, основные положения одной из них использованы в данном докладе с целью ознакомления с полученными результатами более широкого круга монголоведов [Жамбалова 2017].

К началу 2020-х гг. вопрос о сохранении аутентичного нomaдизма в Монголии, сегменте глобального мира, признан как объективная реальность. Д. Алимаа отмечает, что современную Монголию нельзя назвать страной кочевников, однако до середины XX в. формирование и развитие ее социальной сферы было неразрывно связано с кочевым образом жизни большинства населения, а в конце 2010 г. нomaдами остаются до четверти населения [Алимаа 2012]. В 2017 г. А. Д. Гомбожапов пишет, что кочевой образ жизни характерен для подавляющего числа сельско-

го населения страны, так как животноводство, приобретающее характер товарного, остается основным источником реальных доходов для большинства сельских домохозяйств. Нomaдизм и его воспроизводимость также основывается на устойчивости культурных традиций и ценностей [Гомбожапов 2017б: 91–92].

До конца 1980-х гг. политика седентаризации и кооперирования аратских хозяйств рассматривалась как достижение социализма, несмотря на противоречивый характер их результатов [Жамбалова 2019: 131]. Впоследствии В. В. Грайворонский с новых постсоветских позиций отмечает, что основные причины сохранения кочевого образа жизни коренятся в историко-экономической обусловленности данного типа хозяйства на территории страны. Поэтому с начала 1990-х гг. численность аратов, ведущих частное хозяйство, удвоилась, начался «кочевой бум» как закономерная реакция на «господствующую ранее одностороннюю, преимущественно негативную оценку места и роли кочевых и полукочевых народов, в том числе монголов, в мировой истории» [Грайворонский 1997: 130, 131]. Распад социалистической системы в стране привел к процессам реномадизации или феномену повторной нomaдизации, процессу перехода некоторой части населения от оседлого образа жизни к кочевому или полукочевому. Этот процесс зафиксирован в начале XXI в. полевыми исследованиями ученых Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Монголии и КНР, проходившими в рамках международного проекта «Трансформация кочевых цивилизаций». Б. В. Базаров отмечает: «Реномадизация внесла существенные коррективы в соотношение между традиционными кочевыми и современными формами хозяйства и привела их в соответствие с реальными возможностями экономики страны. В целом же феномен реномадизации свидетельствует, что в Монголии и других странах со схожими природными условиями кочевое скотоводство как форма хозяйствования будет существовать еще очень долго» (цит. по: [Полещук 2004: 13–14]).

Действительно, в стране в постсоциалистический период наблюдается рурализация, возвращение к традиционным технологиям ведения кочевого скотоводства и значительное сокращение внедряемых в середине XX в. элементов интенсивного животноводства. После разрушения коллективного хозяйства (госхозы и совхозы) выживание части населения Монголии состоялось благодаря нomaдизации населения, появлением, по определению Н. Н. Крадина, «новых кочевников». Он считает жизнеспособным в современных условиях возрождение и развитие экстенсивного скотоводства, допускает возможность его использования в России [Крадин 2016: 20].

Возврат части населения к кочевому образу жизни в стране, где несколько десятилетий осуществлялись модернизация сельского хозяй-

ства и седентаризация, обусловлен ломкой политической и социально-экономической системы страны, переходом от социалистической системы развития к рыночным отношениям. В этот период выживание во всех странах соцблока решалось самим населением, в Монголии наряду с другими путями (челночество, трудовая миграция и т. д.) это было возвращение к номадизму.

Его быстрое возрождение состоялось благодаря небольшому разрыву между ним и социалистическим хозяйством, араты еще не перешли окончательно к оседлому образу жизни. Седентаризация не была завершена, поэтому во второй половине XX в. в МНР сложилось три типа образа жизни сельского населения: оседлый, полукочевой и кочевой. Социалистические инновации, внедряясь в традиционную повседневную жизнь аратов, не затрагивали основных элементов жизнеобеспечения: хозяйства, жилища, пищи, одежды. Их повседневная жизнь достаточно модернизировалась, но сохранила центральное ядро кочевнической культуры [Жамбалова 2019: 136].

Одним из важных условий быстрой реномадизации явились объективные факторы. Главный, первый, фактор существования номадизма — природно-климатический, это породившая его среда обитания — степь. А. Д. Симуков выделяет две зоны пастбищ Монголии: степная или Хангайская и Гобийская зона пустынных степей [Симуков 2007а: 343–346]. Номадизм складывается в степях, где рентабельным является их экстенсивное использование. Сезонное кочевание позволяет рационально использовать природно-хозяйственные ресурсы степи в соответствии с ее особенностями. Степь обладает высокой скоростью биологического круговорота с интенсивным приростом растительной массы взамен использованной.

Из-за воздействия антропогенных факторов площадь мировых степных экосистем постоянно сокращается. Ученые пишут: «Монголия — последний крупный массив природных травяных экосистем Земли, остатки степного биома, исчезнувшего на других континентах» [Мордкович и др. 1997: 129–131, 194]. В этом заключается уникальность страны с довольно большим фондом мало освоенных природных экосистем степей, с одним из высоких показателей количества скота на душу населения [Мордкович и др. 1997: 194]. Степь и номадизм взаимозависимы. Сохранение степной экосистемы страны зависит от развития номадизма, а номадизм не может реализоваться в другой экологической нише. Баланс экосистемы степи поддерживается постоянной правильной эксплуатацией ее в качестве пастбищ. Выявлено, что умеренный выпас скота и сенокосение поддерживают этот баланс. При заповедном режиме, в отсутствии стад кочующих животных происходит деградация степи,

она превращается в сообщества кустарников с одинокими деревьями [Мордкович и др. 1997: 75–76].

Нельзя обойти стороной и проблему сокращения площади монгольской степи. В последние десятилетия есть тенденция сокращения пастбищных земель, с 1964 г. их площадь уменьшились на 9 млн гектар. В некоторых местах растительность губит перевыпас — в стране идет рост поголовья скота (по данным 2018 г. всего 66,4 млн голов) [Гомбожапов 2019: 245–246]. Одним из угрожающих обстоятельств дигрессии степи является деятельность горнодобывающей промышленности [Жамбалова 2017: 52]. Однако, несмотря на все эти угрозы, монгольская степь пока продолжает оставаться пригодной для номадизма.

Второй фактор существования номадизма — демографический. Реализация кочевого образа жизни базируется на малой плотности населения. У кочевых народов она обычно колеблется от 0,5 до 2 человек на 1 квадратный метр. В Монголии с площадью в 1 565 120 кв. км в 2020 г. население составляло около 3,2 миллиона человек, а плотность населения — 2 человека на 1 квадратный километр [Население Монголии]. В современном мире это одна из малонаселенных стран, где до настоящего времени может реализоваться экстенсивное кочевое скотоводство без особого ущерба экосистеме.

Третий фактор — экономический. Кочевой образ жизни сохраняется в советское и постсоциалистическое время благодаря государственному планированию, не предусматривающему увеличение площади пашенного земледелия, несовместимого с кочевым экстенсивным скотоводством. Это способствует сохранению степных пастбищ и свободному перемещению скота на больших территориях [Жамбалова 2017: 53].

Четвертый фактор — зоологический. Номадизм базируется на сбалансированном стаде домашнего скота пяти видов (лошадь, верблюд, крупный рогатый скот, овцы и козы) местных пород. Монгольские породы скота способны к длинным переходам и адаптированы к круглогодичному круглосуточному содержанию в степи под открытым небом, а умеренное использование животными этих пород растительной пищи и воды и способ их поедания не уничтожают кормовую базу. Каждый вид выполняет свои функции в сохранении экосистемы степи и удовлетворяют нужды жизнеобеспечения человека. Видовая сбалансированность скота — одна их важных составляющих структуры экстенсивного скотоводства. Она проявляется не только в том, что разные виды скота дополняют друг друга как хозяйственные объекты, но и в том, что животные приспособлены к совместному выживанию в условиях стихийных бедствий, в частности засухи и появления крепкого снежного наста [Жамбалова 2017: 54–55].

В 1931 г. А. Д. Симуков выявил количественное соотношение в стаде пяти видов скота в разных районах Монголии. В некоторых лесостепных районах в стаде иногда не разводили верблюдов, а в пустыне Гоби был зафиксирован их высокий процент. Крупный рогатый скот разводили больше в лесостепной зоне. Овец содержали во всех зонах, но больше в степной, а в лесостепной их удельный вес заметно сокращался. Козы были приспособлены ко всем зонам, но в силу их выносливости больше всего разводились в Гоби [Симуков 2007б]. Сбалансированный удельный вес пяти видов скота в зависимости от географической зоны страны позволил кочевникам-скотоводам хозяйственно освоить всю ее территорию.

Пятый фактор — технологический. Номадизм базируется на системе перекочек. Дисперсный тип расселения на удаленном расстоянии обусловлен основным экосистемным принципом номадизма — соответствием численности скота природным кормовым ресурсам. Степь циклично осваивается в результате упорядоченных сезонных перекочек для круглогодичного обеспечения скота подножным кормом. Кочевой тип хозяйства не может быть беспредельно экстенсивным, этому способствуют передвижения в определенных границах и разумное использование продуктивных качеств различных видов скота. В годы бескормиц перекочки приобретают хаотичный и дальний характер [Жамбалова 2017: 55].

Шестой фактор — экологический. А. С. Сейдимбек пишет: «Кочевой образ жизни не противостоял природной среде, а, напротив, являлся частью этой природной среды. Жизненный ритм, сложившийся в течение тысячелетий и созвучный циклам биосферы, породил соответствующий культурно-природный симбиоз. <...> А первым и главнейшим признаком кочевого образа жизни является безоговорочное подчинение законам экосистемы, которая при органическом союзе с человеком дает возможность добиться благосостояния» (цит. по: [Акселеу Сейдимбек: Прерванный полет]). В основу эксплуатации кормящего ландшафта номадами положены традиционные экологические принципы рационального природопользования. Знание природно-климатических особенностей своей ойкумены, сохранение традиционного отношения к своей земле является важным фактором продолжительного существования номадизма.

Седьмой фактор — духовный, в его основе лежит менталитет монголов. Это совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок этноса, направленных на сохранение предмета их гордости — номадизма. Ценностная ориентация народа на его сохранение в условиях глобализирующегося мира,

в постсоциалистическое время становится общегосударственной. Она легла в основу национальной идеи страны, направленной на ее развитие в современных условиях.

Один из граней духовного фактора — традиционализм. Приведенные ранее шесть объективных факторов существования номадизма востребованы современными монголами благодаря одному из основных условий устойчивости кочевого образа жизни — традиционализму, выраженному у народа в стремлении сохранять традиции предков и следовать им в повседневной жизни, гармонично сочетая с модернизированным миром. Традиционализм здесь понимается как жизненная философия или мировоззрение, где традиция — это сложившаяся веками правильная модель бытия. Традиционализм — это идеализация и абсолютизация традиции, которая имеет практическое значение и сочетается с высокоразвитой экологической культурой, направленной на бережное отношение человека к окружающей среде [Жамбалова 2017: 55]. Ценной представляется приведенная В. А. Ачкасовым теория Р. Редфилда о большой традиции рефлексизирующего меньшинства («традиция университетов и храмов») и малой традиции большинства, не склонного к рефлексии («традиция деревенской общины») [Ачкасов 2004]. Для Монголии характерны обе традиции. Кочевой образ жизни сохраняется аратами как привычный образ жизни, а властями и представителями творческой интеллигенции, которые возвели его до уровня национальной идеи страны, он идеализируется.

Особое отношение монголов к современному номадизму прослеживается в исследовании Ж. Жаргалсайхана, он пишет: «В... XXI в. все еще существует кочевничество. Это уникальное явление, творение природы и воплощение особенностей монгольского общества оказывается удивительно устойчивым в степи <...> проявляет свою прочность и способность существования и все же остается почти в неизменном виде <...> определяется не только социальными факторами, но и в значительной мере природно-климатическими условиями» [Жаргалсайхан 2013: 8].

Безусловно, помимо всех обозначенных факторов имеется еще немало других. Один из них — неготовность страны к новому модернизационному скачку, первая попытка которого была предпринята в первой половине XX в. В. В. Грайворонский считает, что кочевой образ жизни сохраняется в Монголии также по причине отсутствия необходимых экономических предпосылок для решения проблемы номадизма в полном объеме. Он замечает: «...поспешная постановка вопроса о форсированном преобразовании традиционного пастбищно-кочевого животноводства и кочевого образа жизни животноводов чревата серьезными политическими, экономическими и иными последствиями» [Грайворонский 2008: 213].

Приведенные материалы позволяют прийти к заключению, что современный монгольский нomaдизм сохраняет в общих чертах традиционную структуру. Этому способствует наличие семи факторов его существования. Выпадение каждого из них может привести к исчезновению нomaдизма. Их наличие демонстрирует сохранение сложной модели нomaдизма, идентифицирует его как классический, сохранивший основную структуру и признаки. Резкий модернизационный скачок от нomaдизма к полной оседлости также невозможен по экономическим причинам. Нomaдизм в Монголии XXI в. сохраняется в силу сохранения всех вышеуказанных природно-климатических и социально-экономических факторов.

Литература

- Алимаа 2012 — *Алимаа Д.* Проблема нomaдизма в Монголии // Известия Иркутской государственной экономической академии: [электронный журнал] 2012. № 2. URL: <file:///C:/Users/1/Downloads/problema-nomadizma-v-mongolii.pdf> (дата обращения: 08.07.2020).
- Акселеу Сейдимбек — Акселеу Сейдимбек: Прерванный полет // Exclusive [электронный ресурс] 25.10.2019. URL: http://www.exclusive.kz/expertiza/kulturnaya_sreda/117242/ (дата обращения: 19.03.2020).
- Ачкасов 2004 — *Ачкасов В. А.* Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): [электронный ресурс]. Вып. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 173–191. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/achkasov-va/transformaciya-tradiciy-i-politicheskaya-modernizaciya-fenomen-rossiyskogo> (дата обращения: 03.05.2017).
- Гомбожапов 2017а — *Гомбожапов А. Д.* Анклав нomaдизма: монгольские кочевники в меняющейся современности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2 (41). С. 29–36.
- Гомбожапов 2017б — *Гомбожапов А. Д.* Заметки о миграции и кочевниках Монголии // Известия Восточного института. 2017. № 4 (36). С. 91–96.
- Гомбожапов 2019 — *Гомбожапов А. Д.* Заметки о кочевничестве современной Монголии: антропология ресурсного конфликта // Власть. 2019. Т. 27. № 4. С. 243–248.
- Грайворонский 1997 — *Грайворонский В. В.* Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода (1980–1995 гг.). М.: Вост. лит., 1997. 184 с.
- Грайворонский 2008 — *Грайворонский В. В.* Проблемы традиционной монгольской культуры в эпоху глобализации (К 80-летию монгольского ученого академика Ш. Биры). // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2008. № 2. С. 211–214.
- Жамбалова 2017 — *Жамбалова С. Г.* Феномен кочевого образа жизни в Монголии в XXI в.: структура и факторы // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 3 (29). С. 48–58.

- Жамбалова 2019 — *Жамбалова С. Г.* Повседневная жизнь аратов МНР в условиях социалистической модернизации // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 1 (35). С. 129–137.
- Жаргалсайхан 2013 — *Жаргалсайхан Ж.* Монгольское кочевничество: сущность, особенности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 2013. 26 с.
- Крадин 2016 — *Крадин Н. Н.* Процессы трансформации скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27.
- Мордкович и др. 1997 — *Мордкович И. Г., Гиляров А. М., Тишков А. А., Баландин С. А.* Судьба степей. Новосибирск: Мангазея, 1997. 208 с.
- Население Монголии [электронный ресурс]. URL: <https://countrymeters.info/ru/Mongolia> (дата обращения: 15.11.2020).
- Полещук 2014 — *Полещук А. А.* Наука в Забайкалье началась с востоковедения [электронный ресурс] // Восточная коллекция. 2014 № 4 (19). С. 10–15. URL: http://orient.rsl.ru/assets/files/food/text/2004/2004_4_19/2004_4_basarow_beseda_g.pdf (дата обращения: 03.05.2017).
- Симуков 2007а — *Симуков А. Д.* Пастбища Монгольской Народной Республики // Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии: в 3 т. Осака: Гос. музей этнологии, 2007–2008. Т. 2. 2007. С. 341–357.
- Симуков 2007б — *Симуков А. Д.* Скотоводство МНР в связи с географическими ландшафтами страны // Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии: в 3 т. Осака: Гос. музей этнологии, 2007–2008. Т. 2. 2007. С. 379–397.
- Хазанов 2016 — *Хазанов А. М.* От составителя // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 5–7.
- Энхтувшин 2015 — *Энхтувшин Б.* Номады и нomaдизм: традиции и современность // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 4. С. 691–699.